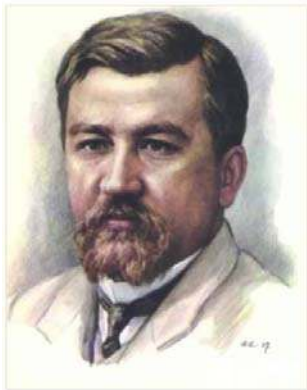

КУПРИНСКИЙ АВГУСТ

Для Александра Ивановича Куприна месяц август был судьбоносным. 26 августа (по старому стилю) 1870 года он появился на свет, 25 августа 1938 ушел из жизни. Поэтому и купринское творчество ассоциируется у меня с этим месяцем. Это кольцо судьбы писателя заставляет задуматься о многом. Каждый год в конце августа я живу предчувствием новой встречи с городом Наровчатом — малой родиной писателя. Уверен, что детские годы, прожитые здесь, во многом определили характер его будущего творчества. Не случайно он так часто вспоминал о своих пензенских корнях. Чтобы

понять и почувствовать самобытный «яблочно-медовый» вкус прозы Куприна, необходимо побывать на его родине — в старинном русском городе Наровчате, овеянном древними легендами, подняться на колокольню Троице-Сканова монастыря, с которой открывается такой поразительный вид.

Для меня Куприн с юности остается любимым прозаиком во многом потому, что он был очень поэтичен в своих описаниях любви. Первой повестью, которую я прочитал, была «Олеся». Потом настало время возвышенного «Гранатового браслета» и страстной «Суламифи». Потряс своей жестокой правдой жизни «Поединок». Сравнительно недавно я познакомился с автобиографической повестью «Купол Исаакия Долматского». Прочитав ее, я понял, почему Куприн вынужден был покинуть Россию и долгие годы прожить в эмиграции.

Мне кажется, что Куприн — тот писатель, который с годами открывается постепенно все новыми и новыми гранями своего таланта. Он очень тонко чувствовал природу, любил животных. Это сближает его с моим любимым поэтом Сергеем Есениным, который очень высоко ценил купринский талант и даже мечтал лично позна-

комиться с писателем. К сожалению, эта встреча не состоялась. Есенин постеснялся побеспокоить известного писателя своим посещением. Но знакомство с прозой Куприна оставило свой значимый след в есенинской поэзии. Об этом мне хотелось бы поделиться в эссе, которым завершается небольшая книжка.

Куприн — мой любимый русский писатель, поэтому в стихах, включенных в сборник, так много лично пережитого. Купринский подтекст в них часто лежит не на поверхности, а скрывается в глубине. Именно поэтому я посчитал возможным объединить эти стихи, написанные в разные годы, в один букет и положить его к подножию памятника Александру Ивановичу Куприну.

НА КОЛОКОЛЬНЕ ТРОИЦЕ-СКАНОВА МОНАСТЫРЯ

Бьется не сердце, а колокол
В широкой русской груди!
С крестом золотую голову
В грозу нелегко нести.

Синие змеи молний
Вьются кругом клубком.
И среди мрака в полдень
Ударил в колокол гром!

В тучах кровавых Запад.
Туманом покрыт Восток.
Дьявол небо залапал —
Ливнем смыл пятна Бог.

Малиновый благовест солнца
Половодьем залил поля.
Молитвенно отзовется
Святым перезвоном земля.

И с колокольни Сканова
Седого монастыря
Русь откроется заново
Ясная, как заря.

КАМЕННАЯ БАБА

Закат, словно раненый сокол,
Над степью раскинул крыла.
Знать, в небе высоко-высоко
Смертельная битва была.

Не воронов черная стая —
Ночная спускается тьма.
И баба застыла седая,
Как камень, слепа и нема.

Глядят и не видят зеницы
Сквозь вихрем взметенную пыль.

Как страшно чернеют глазницы!
Как стелется белый ковыль!

Откуда у каменной бабы
Такая живая тоска?
Живот сберегая, спасла бы
Она от безлюдья века.

Но кровью истек ее сокол,
Раскинув по травам крыла.
Знать, в поле далеко — далеко
Смертельная битва была.

РУССКАЯ ДУША

Я с небес в степное разнотравье
Соколом у камня упаду.
Словно версты — крылья разметаю.
И на росы расколю беду.

Обернусь я молодым плечистым,
Оседлаю доброго коня.
Три дороги есть во поле мглистом.
Каждая дорога — для меня.

Матери на то нас и рожали,
Чтобы в путь опасный провожать.
Заповеди каменной скрижали
Наугад Ивану выбирать.

Мертвого меня живой водою
Старый ворон сможет воскресить,
Чтобы я с царевной молодою
На пиру смог мед и пиво пить...

Все мы, люди русские, по сути
Сказочной мечтой в душе живем.
Только Русь, как витязь на распутье,
Замерла в раздумье роковом.

Воронье тучи над полями.
Кровью налились глаза росы...
Сыновья polegшие — костями
Насмерть в землю русскую вросли.

НАБЕГ

Обжигает дыханьем сухим суховой.
В нем бескрайняя горечь полынных степей.

Гарь спаленных хлебов и родных пепелищ.
Поминальных курганных высоких кострищ.

Суховой, как орды беспощадный набег.
И из века все так повторяется в век.

Где крылами махнет сухойей — все горит,
И не ведает он, не поймет, что творит.

Там где древний когда-то стоял Наровчат,
Только черные трубы из пепла торчат...

НАРОВЧАТСКИЕ ЯБЛОКИ

Перепутал ветер бедовый
Все, что август для нас припас.
Пахнет яблоком Спас Медовый.
Пахнет медом Яблочный Спас.

«Чем богаты мы, тем и рады».
В Наровчате пьем с медом чай,
Наблюдая за яблокопадом,
Что в саду пошел невзначай.

Скатерть сказочная самобранка.
На столе — русский пир горой.
От сливовой наливки жарко!
Нас Куприн пригласил домой.

Как янтарно сочатся соты!
Как румянится белый налив!
Вспоминая детские годы,
Может, этим и был он жив?

Оставаясь всю жизнь наровчатцем,
И в далеких чужих краях
Сладко — кислый вкус яблок счастья
Нес Куприн на своих губах.

ДОМ КУПРИНА

Покóрен Божьей воле
Был город Наровчат.
После пожара — горе:
«Лишь колышки торчат».

Овеян теплой грустью
В плену у тишины.
Дом в пыльном захолустье,
Где жили Куприны.

Здесь в августе родился
Сын младший — Александр.
Здесь в Русь он погрузился,
И Русью стал он сам.

Татарская порода.
Характер! Ох, держись...
Три прожитых здесь года
Он вспоминал всю жизнь

И помнил — есть в России
Родимый уголок...
Разрушить «мир насилия»
Страну сподобил рок.

Пришлось покинуть Гатчину,
С Совдепом воевать,
О Родине утраченной
Над Сеной тосковать

Промозгло за границей.
И мед горчит, как яд.
И надо же... Присниться
В Париже — Наровчат!

Овеян тихой грустью,
В плену у тишины
Дом в пыльном захолустье,
Где жили Куприны.

С тоски в чужих хоромах
Не мудрено запить...
Тепло родного дома
Куприн умел ценить.

РОДСТВО

*Степь проснулась и ожила, и, кажется,
будто она дышит глубокими,
ровными и могучими вздохами.*

А. И. Куприн «В недрах земли»

В родстве с природою живу.
От злого зноя степью маюсь.
Я ливнем падаю в траву!
И радугою поднимаюсь.

В зенит взлетаю в синеве
В разгар охоты соколиной!
И никну к матери — земле
Повинно головой пыльной.

Пусть зарастет в степи могила,
Я весь в природе растворяюсь.
И с тем, что было сердцу мило,
Корнями рук переплетусь.

Печаль избыть я не могу.
Вздыхают, высыхая, травы...
Валки на скошенном лугу —
Как строки «Слова о полку» —
Хоругви сгубленной державы.

ВОСПОМИНАНИЯ

Даже цветы на родине пахнут по-иному.

А. И. Куприн

Дохнул прохладой августа закат.
Устало стадо возвращается под вечер.
Коровы понимают русский мат
И пастухам покорно не перечат.

Бредут буренки тихо, как века.
Глаза полны какой-то грустью древней.
И оживает русская деревня,
Испив с утра парного молока...

Звенит вчорошник. Коровы видят сон.
Им снится луговое разноцветье,
Жужжанье пчел, кузнечиков трезвон,
Густой туман и росы на рассвете.

Вместилась жизнь в коротких три глотка.
И глиняная крынка запотела.
Сдувает ветер пену — облака
И к небу приникает то и дело.

Родным повеяло издалека.
Холмы земные солнышком налиты.
И запахом парного молока
Полны полынной родины молитвы.

ЗАПАХ РОДИНЫ

В летний зной горчит полынь.
Есть в страду отрада.
У реки в тени ветлы
Отдыхает стадо.

О подойники звенит
Молоко густое.
В полдень над травой парит
Марево цветное.

Вот и ливень золотой
Хлынул — долго прощенный!
И зарылся с головой
Он в копне накошенной...

Громыкает, уходя,
Гром — душа порожняя.
Пахнет свежестью дождя
Даже пыль дорожная.

И подкатит к горлу ком
Ягодой смородины.
Как с горчинкой молоко,
Сладок запах родины.

НА СТОГУ СЕНА

Раскинусь на стоге сена
В августовской ночи.
Тоска души сокровенная
Былинкой сухой горчит.

Закину голову за руки
Под кроной густой синевы.
Падают звездные яблоки
В зеленый подол травы.

Какая земля наша маленькая.
Как родинка на груди.
Польнь, у сухого татарника
Душу не береди...

Ослепил его звездный ветер,
Обжигая лицо, как плеть.
О любви, что сильнее смерти,
Песню песней хотел он спеть!

В НОЧНОМ

Ночь посолила звездной солью
Ржаного месяца ломоть.
И разломилась всем на доли
Обугленной картошки плоть.

И сельской ребятни ватага
Пирует у костра в ночном.
Прохладой тянет от оврага
И зябкой сыростью речной.

Гуляет ветер — Сивка-Бурка
По голубому полю ржи.
Такая тишь кругом — ни звука.
И уголек глазок смежил.

Овчинного тулупа ласка
Пропахла дымом костерка.
Про Горбунка приснится сказка
И про Ивана-дурака...

Разбудят фырканье и ржанье!
И будет въявь, а не во сне
В молочном утреннем тумане
Купанье сказочных коней!

КОЛДУНЯ

В ночь накануне Ивана Купала
Олеся в лесу меня околдовала.

Помню на травах духмяный настой.
Не от него ли хожу сам не свой?

В ночь накануне Ивана Купала
Росы любимая в горсть собирала.

И серебром окатила, маня.
Омолодил меня холод огня!

Может, на счастье, может, на горе.
Выпил я реку, а надо бы море.

В ночь накануне Ивана Купала
Ветром душа моя в небо взмывала

Так высоко, что костру не достать.
Может, Жар-птицей хотелось ей стать?

В ночь накануне Ивана Купала
Душа, словно папоротник, расцветала.

Клад открывая на каждом шагу,
Вижу я золото, да взять не могу...

В ночь накануне Ивана Купала
Олеся в лесу меня околдовала.

ОСЕНЬ ОЛЕСЯ

Осень-Олеся гадала
Ветру на картах листвы.
Снова ему выпадала
Доля сорвиголовы.

Он же в ответ рассмеялся,
Бросил червонцы в подол,
Свистнул и в поле умчался.
Там свою гибель нашел...

«Темен мой путь или светел?
Осень-Олеся, скажи!
Может, я сгину, как ветер,
Искрою Божьей в глуши?»

Осень-судьба разметала
Листья в полночную тьму.
И Куприну нагадала
Посох, чужбину, суму.

РОМАШОВ

Ромашка — Ромашов,
Интеллигент наивный,
На поединок шел
С военной машиной.

В затравленном солдате
Родного видел брата.
Не спился и не спятил
От грязи и разврата.

В муштре среди зуботычин,
В быту среди пересудов
О, как он был комичен,
Когда поверил в чудо.

Влюбился по-купрински
Он в романтический сон.
С расчетливостью низкой
Был в жертву принесен.

Жизнь отдал за секунды.
Всю — за один порыв!
За поцелуй Иуды
Устами Суламифь.

ПОХМЕЛЬЕ

*Вчера расстрелом угрожал
Мне пьяный большевик.*

А. Куприн «Весна» («В Совдепии»)

Нет на свете страны родимей,
Горе горькое с нею мы пьем.
И в двадцатом веке Владимир
Русь крестил перекрестным огнем!

Начиналась о мире декретами
Рознь гражданская и резня.
И была пулеметными лентами
Перекрещена матросня.

Показалось, что крови мало.
Чем еще искупить вину?
Из ипатьевского подвала
Она хлынула на страну.

Большевик, наливая зенки,
Властью пьян был и без вина.
Угрожал он поставить к стенке
Непокорного Куприна!

Диктатуры великолепие!
И великий исход умов...
Не остался Куприн в «Совдепии».
Не хотел быть «рабом рабов».

КОРОЛЬ НЕМОГО СИНЕМА

*Среди парижских знакомых Куприна был
наш земляк — актер немого кино Иван Мозжухин.*

Все могут высказать глаза,
Когда они до смерти живы.
Грим старости прожгла слеза.
Увы, слова, как слава, лживы.

Жизнь стала отблеском костра.
Присыпал веки сизый пепел.
И ностальгии боль остра:
«Я заживо схоронен в склепе.

К финалу фильм подходит мой.
Я смерть играю в мелодраме».
А на стене, как на экране,
России силуэт родной.

Погосты, посох да сума.
Темнеет смутное виденье...
Так умер в нищей богадельне
«Король немого синема».

ВОЗВРАЩЕНИЕ КУПРИНА

*Меня, великого грешника перед Родиной,
сама Родина простила.*

А. И. Куприн

Снисходительно блудного сына
Принимала в объятья страна.
Иссякала былая сила
На чужбине у Куприна.

Скуден быт эмигрантских буден.
Сплетни-мухи в сетях паутин:
«О любви снова пишет Бунин.
И по-прежнему пьет Куприн».

Колесом судьба переехала.
Не прижился среди парижан.

И все больше походит на Чехова
Поседевший «татарский хан».

Лик России — на панагии.
В горле — с пашни российской ком.
Волком выл он от ностальгии:
«До Москвы хоть сейчас пешком!»

По кровавому насту с хрустом
Босиком босяком нагим.
Что такое «шестое чувство»?
Любят Родину чувством таким!

Жить надеждой на возвращение.
Даже думать о том не смей...
Даровали ему прощение,
Дав на Родине умереть.

Даровала грехов отпущение
Благороднейшая страна,
Принимая за укрощение
Возвращение Куприна.

АВГУСТ АЛЕКСАНДРА КУПРИНА

Дни сочатся медом, словно соты.
В слове «август» слышен яблоч хруст.
Вновь пришла пора грибной охоты.
Грусть-тоску развеял первый груздь!

Напоследок в росах отразилось
Розовое зарево зари.
Сердце сладкой горечью налилось
И огнем гранатовым горит.

И хотя еще резвятся грозы,
И сквозь солнце ливень льет слепой —
Все печальнее шумят березы
Над седой купринской головой...

Холоднее делается лето.
Август — жизни устье и исток...
Сорвана душа порывом ветра.
И антоновкой лежит у ног.

А. И. КУПРИН И С. А. ЕСЕНИН

Интерес к творчеству А. И. Куприна проявился у С. А. Есенина еще в юношеские годы. Об этом сохранилось свидетельство его друга Николая Сардановского, который вспоминал: «Любили мы в то время читать произведения писателя А. И. Куприна. Дедушка выписывал журнал «Нива», а к этому журналу приложением было — Полное собрание сочинений А. И. Куприна. Сергей обратил мое внимание на сле-

дующие строки в рассказе «Суламифь»: «И любил Соломон умную речь, потому что драгоценному алмазу в золотой чаше надобно хорошо сказанное слово». Сам Есенин, как видно, очень пристально следил за разговорной речью окружающих...» [1]. В 1918 году Есенин создает трактат «Ключи Марии», в котором упоминает героев рассказа А. И. Куприна: «Соломон, глядя в лицо своей красивой Суламифи, прекрасно восклицает, что зубы ее «как стадо остриженных коз, бегущих с гор Галаада» [2]. Характеризуя ангелический образ, Есенин ссылается на эту библейскую метафору.

В марте 1915 года С. Есенин едет из Москвы в Петроград, где знакомится с литераторами, которых хорошо знал и А. И. Куприн. Среди них были писатели А. М. Горький, А. Н. Толстой, А. М. Ремизов, поэты — А. А. Блок, С. М. Городецкий, В. Ф. Ходасевич, художник Ю. П. Анненков. Друг Есенина М. П. Мурашев в сентябре 1916 года получает от Есенина письмо, в котором поэт писал: «Кланяйся твоим портретам, граммофону и музыкальным моментам» [Т. 6. С. 85]. В комментариях к ПСС С. А. Есенина можно найти такое пояснение «Адресат так прокомментировал эти слова. В кабинете у меня были портреты Блока, Куприна с их автографами... Им то и кланяется Есенин» [Т. 6. С. 400]. «Ратник второго разряда» С. Есенин был назначен в начале 1916 года санитаром в Царскосельский военно-санитарный поезд. Здесь он встретил своего земляка-рязанца Д. Д. Миронова, который закончил Гатчинскую военно-авиационную школу и после аварии лечился в госпитале в Царском Селе. Увидев, что Есенин увлеченно читал рассказы А. И. Куприна, Д. Д. Миронов предложил ему встретиться с любимым писателем, с которым был хорошо знаком. Д. Д. Миронов вспоминал, как «глаза Есенина вспыхнули от восторга. Однако, немного подумав, он ответил с глубокой грустью: «Данил, а ведь это очень неловко» [3]. К сожалению, эта встреча так и не состоялась. Можно предположить, что особый интерес Есенина к купринскому творчеству в то время был вызван тем, что в 1915 году он закончил повесть «Яр», главная героиня которой Лампиада во многом напоминала Олесю из одноименной повести Куприна. Сергей Есенин обратился к теме трагического столкновения «дителя природы» с носителями нового русского мышления и городской культуры, опираясь на традиции, заложенные в купринской «Олесе». Лампиада Есенина и Олеся Куприна — «лесные русалки», образы, близкие по духу и характеру. Как в повести Куприна, у Есенина конфликт вызван тем, что Лампиада не может покинуть мир дикой природы, а ее возлюбленный Карев — не хочет в нем оставаться. Куприн и Есенин опирались на один фольклорный сюжет, построенный на истории любви лесной русалки и молодого охотника, которые обречены на расставание. В повести «Яр» отражена трагедия крестьянской России — жертвы урбанизированного XX века, которая предвосхищает пережитую самим С. Есениным духовную трагедию. Можно отметить сходство в названиях повести Есенина «Яр» и повести Куприна «Лесная глушь». Как отметила О. Е. Воронова: «Исходя из есенинского описания яра как леса, бора, в заглавии повести можно заметить продолжение литературной традиции «лесных названий» — с опорой на прозаические произведения: «В лесах» П. И. Мельникова (Андрея Печерского), «Лес шумит» В. Г. Короленко, «Лесная глушь» А. И. Куприна, «Лесная топь» С. Н. Сергеева-Ценского» [4].

С. А. Есенина — как представителя новокрестьянского направления в литературе — сближал с А. И. Куприным особый интерес к крестьянскому вопросу. В 1918 году Куприн составляет план «беспартийной газеты» «Земля», которая была призвана заниматься вопросами агрономии, селекции, «новейших технологий» землепользования и скотоводства, проблемами сельской школы и медицины, дорожного строительства, просвещением крестьянства. В. И. Ленин принял Куприна и ознакомился с проектом газеты. Трудно сказать, что произошло бы с писателем, если бы после того, как Ленин одобрил эту идею, она воплотилась на практике. Возможно, судьба Куприна сложилась бы по-другому. Но, скорее всего, его решение эмигрировать из России бы не изменилось. Как известно, резкое неприятие политики, проводимой Советской

властью, определило решение Куприна покинуть Россию в 1919 году. Именно в этот период наиболее ошутимо проявляется и «крестьянский уклон» Есенина в отношении революции. Разочарованность Есенина ее результатами нашла отражение в его имажинистском творчестве. Есенин признавался в 1920 году: «История переживает тяжелую эпоху умерщвления личности как живого, ведь идет совершенно не тот социализм, о котором я думал...» (Т. 6. С. 116).

В эмиграции А. И. Куприн внимательно следил за тем, что происходило в России. Его возмущал разгул безбожия, который стал следствием Октябрьского переворота и атеистической пропаганды, проводимой большевиками. В статье «Христоробцы» (1920) Куприн выразил свое возмущение тем, что в Советской России «нынешние демагоги усердно вырывают Бога из народного русского сердца» [5]. Упомянув поэтов-богоборцев В. Князева и В. Маяковского, писатель цитировал строки из стихотворения «Твердь, твердь за вихры зыбим» (1919) поэта-имажиниста, близкого друга Сергея Есенина, Анатолия Мариенгофа: «Другие виршеплеты в хромых, дергающихся, эпилептических стихах издеваются над телом Христовым, над фигурой Распятого, над Его муками и над невинной Его кровью.— И кровь, кровь твою // Выплескиваем из рукомытника...» (Т. 9. С. 208). Куприн подчеркивал, что «русский человек в эпоху кровопролития отворачивается от лица Бога...» (Т. 9. С. 208). Подтвердить правоту этого заявления можно и цитируя С. Есенина, который в поэме «Июния» (1918) восклицал: «Тело, Христово тело, / Выплюываю изо рта» (Т. 2. С. 61). При этом А. И. Куприн проницательно отмечал характерную черту русской души, которая ярко проявилась у Есенина: «Но мне кажется почему-то, что многие из них — (какой краской ни мажься, а они все-таки русские),— богохульствуя днем, вечером, при отходе ко сну, крестят изголовье, а потом тщательно закрепощивают мелкими крестами все дырочки между собой и одеялом» (Т. 9. С. 209). А. И. Куприн оказался прав. Не случайно С. Есенин, отдавший в свое время дань богоборчеству, в октябре 1925 года исповедально признавался: «Ты прости, что я в Бога не верую — / Я молюсь ему по ночам» (Т. 4. С. 280).

С. А. Есенина сближало с А. И. Куприным проникновенное чувство патриотизма, которого поэт не видел в творчестве своих братьев-имажинистов. Критикуя их за это в статье «Быт и искусство» (1921), Есенин приводил пример из рассказа А. Франса «Жонглер Богоматери», переведенного на русский язык А. И. Куприным: «У братьев моих нет чувства родины во всем широком смысле этого слова... У Анатоля Франса есть чудный рассказ об одном акробате, который выделял вместо обыкновенной молитвы разные фокусы на трапедии перед Богоматерью. Этого чувства у моих братьев нет...» (Т. 5. С. 220).

Среди литературных критиков, писавших о творчестве А. И. Куприна и С. А. Есенина, были Р. В. Иванов-Разумник, А. К. Воронский, В. Львов-Рогачевский, В. А. Устрялов... В статье В. А. Устрялова «Есенин» (К трехлетию со дня смерти), опубликованной в харбинской газете «Новости жизни» (1929), были противопоставлены «Бунины, Куприны, Мережковские, Зайцевы», которые «очутились по ту сторону революции», и Есенин, который «захвачен революционным циклоном» [6]. Несмотря на то, что у Куприна и Есенина судьбы складывались по-разному, они обращались в своих произведениях к одним темам. Куприн и Есенин внесли весьма значительный вклад в Лениниану, оба отозвались на смерть Вождя революции. В своих размышлениях о роли Ленина Куприн и Есенин вступали в своеобразный диалог-полемику. Куприн считал, что Ленин не был великим человеком: «не гениален, он только средне умен. Он **не пророк**, он лишь... тень лжепророка. Он **не вождь**...» (Т. 9. С. 8). Есенин в стихотворении «Капитан земли» (1924) изображает Ленина как гениального человека, который повернул ход мировой истории: «Еще никто / Не управлял планетой / И никому / Не пелась песнь моя / Лишь только он / С рукой своей воздетой / Сказал, что мир — / Единая семья» (Т. 4. С. 214). При этом Куприн и Есенин были против обо-

жествления Ленина и слепого поклонения ему. Куприн в очерке «Рака» (1924) иронизировал над стремлением превратить умершего Вождя в мумию, для чего его соратниками был построен мавзолей. Есенин в поэме «Возвращение на родину» признается: «Конечно, мне и Ленин не икона» (Т. 2. С. 92). Куприн в очерке «Ленин» (1924) цитирует пророческое предсказание Вождя: «На белом фронте мы победили, но на крестьянском всегда будем битые» (Т. 9. С. 8). В есенинской драматической поэме «Стране Негодяев» об этом сказано так: «И в ответ партийной команде, / За налоги на крестьянский труд, / По стране свищут банда на банде, / Волю власти считая за кнут» (Т. 3. С. 75) В «Стране Негодяев», написанной Есениным во время его путешествия по Европе и США, выражены тревожные мысли поэта о судьбе России, попавшей под власть Негодяев. То, что волновало Есенина в это время, отразилось в его письме А. Кусикову от 7 февраля 1923 г.: «Тоска смертная, невыносимая, чую себя здесь чужим и ненужным, а как вспомню про Россию, вспомню, что ждет меня, так и возвращаться не хочется... Тошно мне, законному сыну российскому, в своем государстве пасынком быть...» (Т. 6. С. 154). Ненависть А. И. Куприна к тем, кто встал во главе Советской России (особенно Троцкому), отразилась в публицистике, пафос которой оказался во многом созвучен тем настроениям, что нашли отражение в есенинской «Стране Негодяев». Один из главных ее героев с символической фамилией Чекистов ненавидит Россию и заявляет: «Жили весь век свой нищими / И строили храмы Божие... / Да я б их давным-давно / Перестроил в места отхожие» (Т. 3. С. 57). В Чекистове, настоящая фамилия которого Лейбман, мы узнаем одного из тех циничных «христорборцев», о которых писал Куприн. В комментариях к ПСС С. А. Есенина отмечается, что «ряд исследователей считает прототипом комиссара Чекистова — Троцкого (Бронштейна) Льва (Лейбу)...» (Т. 3. С. 553).

Создавая проникновенный цикл стихов «Любовь хулигана», посвященный Августе Миклашевской, Есенин опирался на традиции купринской прозы о любви. В первую очередь здесь вспоминается «Гранатовый браслет». А в подтексте «Персидских мотивов» Есенина проявляются мотивы «Суламифи».

Размышляя о том, что сближало А. И. Куприна и С. А. Есенина, отметим еще одну творческую параллель. В есенинской поэме «Черный человек», первый вариант которой был создан во время заграничного путешествия в 1923 году, лирический герой ведет диалог с демоническим двойником, который обличает его во многих грехах. Есенин поднимает в поэме вечную тему продажи души дьяволу за успех и известность. В рассказе А. И. Куприна «Скрипка Паганини» (1929) перед гениальным скрипачом, который в миг отчаяния взывает к нечистой силе, предстает черт, с которым музыкант заключает контракт, заложив душу за скрипку. Сергей Есенин, как Паганини, мог бы вполне стать героем одного из рассказов или романов А. И. Куприна. Как мы убедились, А. И. Куприна и С. А. Есенина волновали одни и те же проблемы. Этим и объясняются творческие параллели, отмеченные нами в данном исследовании, которое имеет дальнейшие перспективы.

Примечания:

1. Сардановский Н. А. «На заре туманной юности» / Сергей Есенин глазами современников.— СПб. 2006.— С. 106.
2. Есенин С. А. Полное собрание сочинений в семи томах, М., 1995—2001. Т. 5. С. 205. Далее цитаты приводятся по этому изданию с указанием тома и страниц в скобках.
3. См.: Блудов Ю. В. Военные университеты С. А. Есенина 1916 года глазами современников-рязанцев // Современное есениноведение. Рязань.— 2008. № 9.— С. 139.
4. См.: Воронова О. Е. Проза Сергея Есенина: Жанры и стиль.— Дисс... канд. филол. наук. М., 1985. С. 105—106.
5. Куприн А. И. Полное собрание сочинений в 11 томах. М., 2006—2007. Т. 9. С. 208. Далее цитируется это издание с указанием тома и страниц в скобках.
6. Устрялов Н. А. Есенин (К трехлетию со дня смерти) // Русское зарубежье о Есенине. М., 2007. С. 349.